

Оксана НАГОРНАЯ

**“НУЖНО ПЕРЕДАТЬ В ДАР РЯД КАРТИН...”:
ПОВОРОТЫ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В
ПЕРИОДЫ КРИЗИСОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ
1950–60-х гг.***

Острые политические кризисы, потрясшие социалистический лагерь в 1956 и 1968 гг., стали решающими вехами в развитии советской культурной политики в Восточном блоке. Насильственное подавление местных социально-политических движений, вплоть до введения советского военного контингента в “братскую страну”, неизменно провоцировало всплеск негативного отношения к любым проявлениям “советского” со стороны населения стран Восточной Европы. Даже левые круги международной общественности реагировали на вторжения Советской Армии острой критикой: показательно, к примеру, высказывание Ж.-П. Сартра в связи с событиями в Будапеште 1956 г., характеризовавшего ситуацию как “полный провал социализма в качестве товара, импортируемого из СССР”.¹ Традиционная дипло-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10213). Автор выражает признательность анонимным рецензентам журнала *Ab Imperio* за комментарии и рекомендации.

¹ Цит. по: С. Жансен. Будапештский кризис и франко-советские отношения // Советский Союз, Франция и международные кризисы пятидесятых годов XX века. Москва, 2005. С. 130.

матия была не в силах смягчить эффект эмоционального потрясения, вызванного военной агрессией СССР, поэтому советская сторона пыталась максимально использовать инструменты т.н. “мягкой силы”. В частности, активизировалось культурное влияние, которое в ситуации кризисов, наряду с масштабной экономической помощью, рассматривалось в качестве единственного возможного средства укрепления “социалистического содружества”.

Данная статья посвящена изучению кризисных симптомов советской культурной дипломатии в странах Восточной Европы под влиянием событий 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии, а также набора использованных в этой ситуации корректирующих инструментов: трансформации концепций внешнеполитических репрезентаций СССР, институциональной перестройки системы культурной дипломатии, использования новых каналов и медиумов культурного влияния. Следует сразу оговориться, что в статье речь пойдет в основном о видении ситуации советским руководством. Выводы о том, насколько принимаемые меры были результативны и как воспринимались самими “объектами” советской культурной политики в соцстранах, имеют предварительный характер и будут уточняться в ходе последующего изучения.

Исследование основано на различных группах источников: неопубликованных документах советских партийных органов (отделов ЦК КПСС), государственных (Государственного комитета по культурным связям, далее – ГККС) и общественных организаций (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (далее – ВОКС), Союза советских обществ дружбы (далее – ССОД), ЦК ВЛКСМ), советских дипломатических миссий, а также периодических изданиях, включая советские журналы, распространявшиеся на зарубежные страны. Кроме того, в распоряжении исследователей имеется несколько важных сборников архивных документов, отражающих реакцию советской стороны на венгерский и чехословацкий кризисы. Впрочем, при отборе документов публикаторы этих сборников руководствовались иными исследовательскими задачами, что ограничивает возможность их продуктивного использования в данном исследовании. В частности, опубликованные документы редко отражают культурное измерение международных отношений в социалистическом лагере.² Специфиче-

² См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Под ред. В. Ю. Афиани и др. Москва, 1998; Венгерские события 1956 г. глазами КГБ и МВД СССР / Сост. А. А. Зданович и др. Москва, 2009; “Пражская весна” и международный кризис 1968 года: Документы / Под ред. Н. Г. Томилиной и др. Москва, 2010.

ская подборка источников, фиксирующих ситуацию через институциональную призму, отвечает избранному автором статьи аналитическому взгляду на структуры советской культурной дипломатии.

Феномен, обозначаемый сегодня как “культурная дипломатия”, не выделялся в отдельную отрасль государственной деятельности в СССР (хотя и осознавался как особое направление политики). Это объясняет организационную сложность советской системы культурной дипломатии, где функции внешнеполитических репрезентаций СССР и социалистического сообщества были неравномерно распределены между целым рядом органов и специализированных ведомств – правительственных, партийных и квазиобщественных (включая ЦК КПСС, МИД, ГККС, ССОД). С одной стороны, нерасчлененность функций и дублирование компетенций в органах различного уровня и вида препятствовали выработке взаимосвязанных мероприятий культурной дипломатии. С другой стороны, импровизационный характер и лакуны в сфере контроля способствовали возникновению зон относительной свободы действия, в которых реализовывали свое видение ситуации не только официальные лица, но и неформальные послы советской культурной дипломатии.

Кризисы в странах Восточной Европы сквозь призму культурной дипломатии: новейшие публикации

Можно выделить две группы исследований, наиболее релевантных для рассматриваемой проблемы. Во-первых, это работы, непосредственно посвященные интервенциям ОВД в страны Восточной Европы; во-вторых, это публикации, описывающие глобальный и транснациональный контекст культурной дипломатии в условиях Холодной войны. Рамки статьи не предполагают исчерпывающего историографического обзора, здесь будут очерчены лишь некоторые проблемные зоны, позволяющие оценить состояние актуальных дискуссий и лакуны исследовательского ландшафта.

Основная часть работ, посвященных кризисам социалистического лагеря, реконструирует политическое измерение событий 1956 и 1968 гг. как волны “народных революций”, жестоко подавленных вследствие стремления советской партократии сохранить свою гегемонию.³ Ряд новейших работ концентрируется на специфике сценариев

³ В. Л. Мусатов. Кризисы в европейских соцстранах (Венгрия – 1956 г., Чехословакия – 1968 г., Польша – 1980–81) и политика Советского Союза / Автореф. дис. ...

советской политики по отношению к восточноевропейским странам в ходе кризисов, а также на попытках послекризисного урегулирования. Особенно подчеркивается, что венгерская революция 1956 г. оказалась новым вызовом советскому руководству послесталинского периода, не имевшему готовых схем на этот случай.⁴ Отмечается, что относительной нормализации ситуации в Венгрии и консолидации кадаровского режима в немалой степени способствовало получение масштабной экономической помощи со стороны СССР.⁵ М. Фельдеш и Ю. Рихерс приходят к выводу, что именно перспектива роста благосостояния и развитие культуры консьюмеризма, обеспеченные за счет советской экономической помощи, способствовали достижению социального компромисса, а утверждение “гуляшного коммунизма” превратило Я. Кадара из палача в отца нации и одного из почитаемых венгерских политиков.⁶ Однако детальный анализ планов и конкретных усилий советской стороны по установлению влияния на общественное мнение в странах Центрально-Восточной Европы в данных работах отсутствует.

Среди важнейших изменений, происходящих в последнее десятилетие в исследованиях Холодной войны (*Cold War Studies*), необходимо назвать освоение подходов культурной истории и усиление внимания к социальной и культурной динамике в странах социалистического лагеря.⁷ По мнению Н. Голд-Дэвиса – автора одной из программных

к.и.н. Москва, 1995. С. 16; Б. Й. Желицки. Будапешт – Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы “Холодной войны” (1945–1985). Новое прочтение. Москва, 1995. С. 241-282; М. В. Латыш. “Доктрина Брежнева” и “Пражская весна” 1968 г. (реализация партийных принципов через партийную дипломатию) // Советская внешняя политика в годы “Холодной войны” (1945–1985). Новое прочтение. Москва, 1995. С. 303-333.

⁴ Я. М. Райнер. К истории отношений между Венгрией и СССР в 1953–1956 гг. // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. Доклады конференции. Будапешт, 2005. С. 85; Д. Фельдеш. Венгерско-советские отношения в 1957–1989 гг. Краткий обзор // Двенадцать столетий. С. 93

⁵ А. С. Стыкалин. Советско-венгерские отношения 1954–1964 гг. в записях заседаний Президиума ЦК КПСС // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 гг. Санкт-Петербург, 2010. С. 113.

⁶ Фельдеш. Венгерско-советские отношения. С. 93; Julia Richers. Die Ambivalenz der sechziger Jahre: Ungarn zwischen Repression und “Gulaschkommunismus” // Nada Boskowska u.a. (Hg.). “Entwickelter Sozialismus” in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Oeffentlichkeit. Berlin, 2016. S. 237-266.

⁷ Tobias Rupprecht. Die sowjetische Gesellschaft in der Welt des Kalten Kriegs. Neue Forschungsperspektiven // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 2010. Bd. 58. H. 3. S. 381-399; Peter Romijn, Giles Scott-Smith, Joes Segal (Eds.). Divided Dreamworlds?

статей о логике советской культурной дипломатии – ее контекстуализация помогает лучше понять “развитие культурных отношений не только потому, что эти отношения требовали согласия двух сторон, но и потому... , что именно Советский Союз диктовал темпы их развития”.⁸ Отмечая кардинальный характер структурной перестройки в области международных отношений в период оттепели, Голд-Дэвис не упоминает, однако, ключевое значение венгерских событий, стремительно ускоривших эти процессы.

“...любое упоминание о СССР вызывает свист и улюлюканье в зале”⁹: отторжение советских культурных посланий в условиях кризисов

В условиях политических кризисов Восточного блока и вооруженной интервенции не только военное, но и культурное присутствие Советского Союза воспринималось в Венгрии и Чехословакии как свидетельство оккупации и блокировалось на разных уровнях. По свидетельству советских представителей, в 1956 г. даже лояльные к СССР венгерские коллеги предупреждали, “чтобы мы не начали снова восстанавливать старые формы культурных связей”.¹⁰

О крайне неблагоприятных условиях продвижения культурной продукции Советского Союза в Чехословакии в декабре 1968 г. с беспокойством сообщало посольство СССР. Попытки расширить культурное присутствие “советского” в столице страны путем демонстрации новейших кинокартин не могло встретить прямого отказа, но блокировались чешской стороной подспудно:

The Cultural Cold War in East and West. Amsterdam, 2012; Jessica C. E. Gienow-Hecht, Mark C. Donfried (Eds.). Searching for a Cultural Diplomacy. New York, 2013; Simo Mikkonen, Pia Koivunen (Eds.). Beyond the Divide. Entangled Histories of Cold War Europe. New York, 2015; Patryk Babiracki. Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire 1943–1957. Chapel Hill, 2015; Simo Mikkonen, Pekka Suutari (Eds.). Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interaction and the Cold War. Farnham, 2016.

⁸ Nigel Gould-Davies. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. 2003. Vol. 27. No. 2. Pp. 193–194.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р9576. Союз советских обществ дружбы. Оп. 4. Отдел социалистических стран Европы. 1958–1972 гг. Д. 298. Л. 219. Посольство СССР в Чехословакии. Декабрь 1968 г.

¹⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Отдел культуры при ЦК КПСС. Д. 505. Л. 158. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957. Секретно.

...даже перед единственным сеансом советского кинофильма ‘Обыкновенный фашизм’ был показан антисоветский киножурнал..., сделанный таким образом, что любое упоминание о СССР вызывает свист и улюлюканье в зале. Цель журнала – показать, что СССР в своих отношениях с социалистическими странами выступает с позиции силы, в роли своеобразного жандарма.¹¹

Творческая интеллигенция восточноевропейских стран не скрывала своего недовольства формами культурного сотрудничества и воинственным характером советской пропаганды:

...руководители клубов и учреждений нередко отказывались предоставлять помещения для мероприятий..., срывали выпуск... изданий, отказывали в типографиях... Вопреки официальным заявлениям руководящих партийных и государственных органов и деятелей ЧССР о развитии связей с СССР, на деле открыто бойкотируется культура советских народов и других социалистических стран. Всячески саботируется даже русская классическая культура.¹²

Политический раскол внутри восточного блока способствовал обострению разногласий и в сфере культуры, например, между венгерскими и советскими творческими деятелями. А. Стыкалин констатирует активную антисоветскую пропагандистскую деятельность в 1956 г. Революционного совета венгерской интеллигенции, а также мощный протест против советского вторжения со стороны Союза писателей и Союза журналистов страны.¹³ Н. Иванова характеризует реакцию литературного сообщества социалистических стран на события 1956 г. как отражение противоречивости оттепели. Если отдельные творческие деятели СССР были охвачены “мучительным чувством солидарности с попоранной венгерской свободой”, то ведущие советские писатели на страницах “Литературной газеты” оправдывали вооруженную интервенцию, воспринимая непримиримую позицию венгров как помеху постепенной оттепели советского режима, смягчению цензурного контроля их собственного творчества.¹⁴

¹¹ ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 298. Л. 219.

¹² Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. Москва, 2010. С. 1087-1097.

¹³ А. С. Стыкалин. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. Москва, 2003. С. 186.

¹⁴ Н. Иванова. “Что от бранных щедрот до потомства дойдет?” 1956: венгерское восстание, советские писатели и литературная печать // Венгерская революция 1956 г. Санкт-Петербург, 2007. С. 47.

В свою очередь, западные государства, не имея возможности напрямую вмешиваться во внутренние конфликты в социалистическом лагере, демонстрировали свое неприятие советской политики именно в сфере культурного сотрудничества и в поле символических коммуникаций. В момент венгерского и суэцкого кризисов, осенью 1956 г., послы ведущих западных стран по взаимной договоренности не присутствовали на торжествах в Кремле, посвященных годовщине Октябрьской революции, представители стран НАТО проигнорировали традиционную демонстрацию на Красной площади в Москве. Столь же демонстративно деятели культуры западных стран, например, уже упомянутый Ж.-П. Сартр, выходили из состава обществ дружбы с Советским Союзом.¹⁵ Проведение во Франции советских культурных мероприятий, запланированных на этот период, было отменено, а обмен научными и культурными делегациями отложен на неопределенное время.¹⁶ Заграничные приглашения советских коллективов, обычно с ошеломительным успехом принимаемых в западных странах (к примеру, ансамбля И. Моисеева), были отозваны. Реакция на события в Будапеште была столь бурной, что ЦК ВЛКСМ всерьез задумался о переносе запланированного на 1957 г. Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Однако из соображений поддержания имиджа Советского Союза было принято решение продолжать подготовку к фестивалю.¹⁷

Ситуация с замораживанием двусторонних культурных программ повторилась и в условиях чехословацкого кризиса. Волгоградские власти, к примеру, получили письма от муниципалитетов пяти городов-побратимов, в которых осуждалась политика Советского Союза в отношении ЧССР и заявлялось, что “осуществление культурных мероприятий, запланированных в 1968 г., следует отложить до более благоприятной обстановки”. В знак протеста отказались приехать в СССР ряд творческих коллективов из Франции и Финляндии. Представители западных общественных организаций, воспринимавших каналы нетрадиционной дипломатии как средство влияния на советское общественное мнение, отправляли своим партнерам в СССР письма,

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-3. Оп. 15. Д. 266. Л. 7.

¹⁶ С. Жансен. Будапештский кризис и франко-советские отношения // Советский Союз, Франция и международные кризисы пятидесятых годов XX века. Москва, 2005. С. 124.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-3. Оп. 15. Д. 266. Л. 7-12.

критикующие действия ОВД, о чем получатели сразу же уведомляли силовые органы. Примечательно, однако, что в ситуации отсутствия открытой военно-политической конфронтации с западными державами прерванные культурные связи быстро восстанавливались. Уже в ноябре 1968 г. упомянутый волгоградский совет получил письма о готовности продолжить культурное сотрудничество.¹⁸ Биргит Хофманн объясняет столь быструю перемену позиций в связи с Пражской весной 1968 г. наличием серьезных конфликтов внутри самого западного блока, что привело в конечном счете к расхождению внешнеполитических стратегий и укреплению биполярных структур в целом.¹⁹

Совместная справка отделов ЦК КПСС, анализировавших постфактум различные аспекты проведения “военно-политической акции 21 августа 1968 г.”, свидетельствует о понимании советскими партийными деятелями хрупкости стабилизированной военными средствами ситуации и осознании необходимости повлиять на “процесс идеологической деформации общественного мнения в Чехословакии” именно медийными и культурными средствами. Как констатировали авторы документа, без контроля над средствами и потоками (массовой) информации “невозможно оздоровить обстановку, независимо от того, сколько бы там наши войска ни находились”.²⁰

Разумеется, даже в ситуации острого политического конфликта сохранялась определенная преемственность восприятия русской и советской культуры в странах Восточной Европы; реакцию на советское культурное присутствие нельзя сводить к однозначному отторжению. Тем не менее, взрыв протеста, проявивший себя и в сфере культуры в период политического кризиса (особенно в 1956 г.), стал важнейшим толчком к обновлению системы советской культурной дипломатии, мобилизации всех наработанных ею методов и судорожному поиску новых.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 19. Д. 36. Л. 5-16. Информация о дружественных связях исполкома Волгоградского городского совета депутатов трудящихся с зарубежными городами в 1968 г. (а том числе с Оставой – Чехословакия).

¹⁹ Birgit Hofmann. Der “Prager Frühling” und der Westen. Frankreich und die Bundesrepublik in der internationalen Krise um die Tschechoslowakei 1968. Goettingen, 2015.

²⁰ “Пражская весна” и международный кризис 1968 года: Документы / Под ред. Н. Г. Томилиной и др. Москва, 2010. С. 396.

“Главный вопрос, стоящий на повестке дня, – это война за умы чехов”: посткризисные трансформации советской культурной дипломатии

В исследованиях советской культурной дипломатии, посвященных межвоенному периоду, уже отмечалось снижение авторитета ВОКС в послевоенной иерархии советских учреждений.²¹ Политика постепенного приоткрывания “железного занавеса” для международных культурных связей, проводившаяся преемниками Сталина в Кремле, привела к первым попыткам структурной перестройки органов, занимавшихся международной культурной политикой. Уже в марте 1953 г. был создан Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями, которому было переподчинено ВОКС.²² Данный шаг, однако, не затронул самих методов работы общества, несмотря на необходимость репрезентации СССР на международной арене в совершенно новой роли державы-победителя. Архивные документы позволяют нам связать ключевую трансформацию институциональных структур советской культурной дипломатии именно с венгерским кризисом и ситуацией в Польше. В подробной аналитической записке, адресованной на имя М. Суслова, острота кризиса 1956 г. объяснялась, в том числе, неудовлетворительной работой “по развитию дружбы с венгерским народом”. Ликвидация старой централизованной структуры, объявленной “политическим ляпсусом”, и квазиобщественный формат новых институций рассматривались как советский ответ на активизацию общественности в западных странах. Предполагалось, что общества дружбы продемонстрируют успех СССР в преодолении “культы личности” и развитии демократии, окажут воспитательное воздействие (в том числе и на советскую молодежь).²³

Понятно, что придание культурной дипломатии формата общественной инициативы было в большей степени пропагандистским приемом. На деле общества дружбы с зарубежными странами оставались в финансовых рамках и под бдительным контролем государственных структур – прежде всего, Государственного комитета по культурным

²¹ М. Дэвид-Фокс. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. Москва, 2015. С. 533.

²² Gould-Davies. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy*. P. 203.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 43-91. 28.1.1957. М. Суслову от полковника П. Мазура.

связям (ГККС), созданного параллельно с ССОД.²⁴ Именно отделы ГККС отвечали за планирование культурных мероприятий, организованных, в том числе, в социалистических странах, анализировали качество их проведения, пытались координировать деятельность множества партийных и государственных органов, прямо или косвенно связанных с осуществлением советской международной политики. Впечатляют объемы плано-аналитической документации ГККС по культурным мероприятиям в Венгрии после 1956 г. Особое внимание в них уделялось модернизации средств пропаганды СССР и ее децентрализации, перенаправлении от Будапешта к провинциальным городам.²⁵

В периоды политических кризисов, когда нарушались международные контакты на институциональном уровне, одним из возможных инструментов нормализации обстановки становились личные связи общественных деятелей СССР. В обстановке резкого снижения интереса к советской культуре в Венгрии 1956 г. ее планировалось подспудно продвигать не только при помощи “столпов” советской литературы и искусства, но и через представителей интеллигенции других социалистических стран – А. Зегерс (ГДР), М. Садовяну (Румыния).²⁶ “Литературная газета” немедленно начала публиковать многочисленные антизападные материалы из соцстран, пытаясь продемонстрировать единство социалистического литературного фронта.²⁷ В 1968 г. повлиять на чехословацких деятелей культуры планировалось, отправив для встреч и бесед “ведущих кинодеятелей СССР: Бондарчука, Дороницу, Смоктуновского, Ульянова, Сегеля, Басова...”.²⁸ Характерно, что если в 1950-х гг. в качестве “посланцев культуры” для укрепления внутри- и внеблоковых связей избирались писатели, то в 1960-х гг. их постепенно начали вытеснять представители зрелищных искусств, а также спортсмены и космонавты.

Дискредитация в условиях кризиса организаций и лиц, напрямую ассоциировавшихся местным населением с официальной Москвой, за-

²⁴ Gould-Davies. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. P. 206

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-9518. Оп. 1. Д. 636. Л. 219-227. Сводный план культурного и научного сотрудничества на 1959 год с соцстранами и Югославией на 1959 г.

²⁶ РГИА. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 166. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957. Секретно. Антисоветские настроения после “контрреволюционного мятежа”.

²⁷ Н. Иванова. “Что от бранных щедрот до потомства дойдет?” 1956: венгерское восстание, советские писатели и литературная печать // Венгерская революция 1956 г. Санкт-Петербург, 2007. С. 47.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р9576. Оп. 4. Д. 298. Л. 223. Посольство СССР в Чехословакии. Декабрь 1968 г.

ставляла искать иные каналы распространения советского культурного влияния, закрывая глаза на идейную принципиальность. Например, члены Русского культурно-просветительского общества в Венгерской народной республике – бывшие русские эмигранты, отказавшиеся от послевоенной репатриации, до осени 1956 г. подвергались гонениям как предатели. Но после советского вторжения в страну именно они стали рассматриваться как инструмент возрождения интереса к советской культуре. Главному правлению русского культурно-просветительского общества была полностью отдана на откуп демонстрация советских фильмов, интерес к которым заметно упал.²⁹

Отторжение пропагандистских усилий СССР в восточноевропейских странах заставило подходить к пропаганде неформально и дифференцировать внешнеполитическое послание в зависимости от конкретного адресата: молодежи, женщин, ветеранов, избирательно используя уже существующие структуры советской культурной дипломатии (Комитета советских женщин, Комитета ветеранов, Комитета защиты мира и т.п.). В случае необходимости создавались новые должности при дипломатических миссиях. В 1968 г. рекомендовалось

вести специальные передачи специально для чехословацкой молодежи. Строить их в наступательном, острополемиическом стиле, добиваясь того, чтобы режиссерское и музыкальное оформление этих передач привлекало юных радиослушателей Чехословакии. Через ЦК ВЛКСМ и Комитет молодежных организаций привлекать для выступлений в этих передачах наиболее подготовленных ..., кто побывал в Чехословакии и сможет в передачах конкретно обращаться к известным ему чехословацким юношам и девушкам по наиболее злободневным политическим проблемам.³⁰

Показательным в этом контексте выглядит и смена руководства Комитета советских женщин. Именно в 1968 г. место опытной партийной функционерки Н. Поповой заняла космонавт В. Терешкова, представлявшая беспорное воплощение успехов советской эмансипации и имевшая устойчивый авторитет посла культурной дипломатии.³¹

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 132. Запись беседы с секретарем Главного правления русского культурно-просветительского общества (РКПО) Писаревичем В.А.

³⁰ Чехословацкий кризис. С. 883.

³¹ Подробнее см.: О. Нагорная. "...когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе": аспекты изучения культурной дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269-278;

Объектами особого внимания советской культурной дипломатии в период кризисов становились лидеры восточноевропейских стран. Для демонстрации дружеского отношения советской стороны немедленно организовывали печать произведений нового главы государства (правительства), заказывалась серия публикаций о его тесных связях с СССР. Кроме того, использовались зарекомендовавшие себя в течение десятилетий средства “культпоказа” при организации визитов официальных лиц в Советский Союз, причем программа гостеприимства распространялась и на членов их семей. К примеру, после назначения на пост президента ЧССР Людвика Свободы Политбюро ЦК КПСС распорядилось

...организовать публикацию статей и материалов, отражающих участие чехословацких воинских формирований под командованием Л. Свободы в операциях против гитлеровских захватчиков, приурочив их к знаменательным датам... Считать целесообразным, чтобы Воениздат вновь издал массовым тиражом книгу Л. Свободы “От Бузлука до Праги” с последующим опубликованием развернутых рецензий.³²

На фоне развернувшейся пропагандистской кампании Президиум Верховного Совета СССР пригласил президента Свободу и его семью в Советский Союз на отдых. При этом давались гарантии, что “советские товарищи сделают все необходимое для выполнения его пожеланий...” В случае невозможности личного посещения в Москве ждали семью Свободы.³³

Подорванное взаимное доверие предполагалось корректировать через демонстрацию интереса к венгерской и чехословацкой культуре в СССР и широкое освещение этого интереса в СМИ стран Восточной Европы.³⁴ Экономические трудности, связанные с политическим кризисом и последовавшей советской интервенцией, использовались для завоевания лояльности ведущих венгерских артистов: планировались массовые приглашения художественных коллективов в Советский

Sue Bridger. The Cold War and the Cosmos: Valentina Tereshkova and the First Woman's Space Flight, in: M. Ilić et al. (Eds.) Women in the Khrushchev Era. Basingstoke, 2004. P. 233.

³² Там же. P. 59. Издание книги действительно было осуществлено в издательстве “Воениздат” в 1969 г.

³³ Чехословацкий кризис. С. 59.

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 160. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957. Секретно.

Союз с беспрецедентной выплатой значительной части гонорара в венгерской валюте.³⁵ В целом, солидная убыточность подобных турне не вызывала нареканий со стороны всегда столь экономных вышестоящих органов: идеологическая польза перевешивала любые экономические соображения.³⁶

Августовский номер журнала ССОД “Культура и жизнь”, распространявшийся на нескольких языках в разных странах мира, как никогда подробно освещал дни культуры ЧССР в РСФСР в 1968 г., в рамках которых приглашенные чехословацкие артисты в течение десяти дней дали более ста концертов. Финал гастролей умело воспроизводил обстановку взаимного доверия творческих деятелей и зрителей обеих стран:

В лучших концертных залах Москвы проходили волнующие встречи артистов из Чехословакии с советскими зрителями, умеющими ценить подлинное искусство... В финале концерта на встречу гостям в ярких национальных костюмах вышли советские артисты с букетами цветов... Эта сцена была символичной – она олицетворяла тесную и нерасторжимую дружбу народов братских социалистических стран.³⁷

Одним из наиболее масштабно и последовательно продвигаемых на международной арене символических инструментов советской культурной дипломатии с 1949 г. являлись Международные (Сталинские) Ленинские премии мира (“За укрепление мира между народами”), созданные как альтернатива Нобелевским премиям и щедро финансировавшиеся советской стороной. Внутренняя кухня присуждения премий раскрывает специфику формирования советского миротворческого дискурса, обращенного к международной общественности, под влиянием

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 165. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957. Секретно. Антисоветские настроения после “контрреволюционного мятежа”.

³⁶ Примером реализовавшейся инициативы такого рода служит фотовыставка “Венгерский народ на пути социализма”, открытая летом 1957 г. в ЦПКиО им. Горького в Москве с участием временного поверенного в делах ВНР в СССР Й. Ковача. Визуальный ряд выставки был построен на противопоставлении попыток возродить фашизм в ходе “мятежа контрреволюционеров” 1956 г. мирному труду и улыбающимся лицам после изгнания “фашистов” с помощью советских вооруженных сил и восстановления мира в стране. Стержнем выставки являлся образ “юного венгра, который доверчиво прижимается к груди советского воина”. См.: Венгерский народ на пути социализма // *Культура и жизнь*. 1957. № 9-10. С. 90.

³⁷ Н. Марковский. Влтава и Волга в песнях слились // *Культура и жизнь*. 1968. № 8. С. 3-4.

прагматических расчетов. Уже во время кризиса 1956 г. в Венгрии Ванда Василевская (одна из ведущих фигур послевоенной культурной дипломатии в социалистическом лагере) предложила вручить премию прогрессивному венгерскому деятелю искусств, желательно католику. Эта идея была реализована в 1962 г., когда лауреатом стал председатель Президиума Венгрии Иштван Доби. Хотя католические корни семьи Доби и не афишировались, его крестьянское происхождение и лидерство в аграрной Партии мелких сельских хозяйств вполне соответствовали обозначенной социальной нише. Главное же, Доби зарекомендовал себя в 1956 г. как лояльный приверженец системы. Примечательно, что именно “мирная позиция” Доби в ходе венгерских событий находилась в центре обсуждения его кандидатуры Комитетом.

Этот инструмент внешнеполитического символического влияния был использован и в случае Чехословакии. В 1970 г., в год масштабного празднования юбилея Ленина, премия была вручена Л. Свободе, при этом основной заслугой президента ЧССР члены Комитета признали его действия в событиях августа 1968 г. Используя инструмент Международных Ленинских премий, вручение которых обставлялось пышными церемониями и массивным освещением в СМИ, советская сторона продвигала собственный миротворческий имидж. Кроме того, создавалась сеть лояльных фигур с международной репутацией, готовых в случае необходимости выступить проводниками позитивного образа Советского Союза в своих странах и регионах.

В ответ на кризис и угрозу раскола социалистического лагеря, руководство СССР пыталось активизировать усилия по формированию общей исторической памяти (тем более что антимосковские движения, особенно в Венгрии, апеллировали к историческим прецедентам конфронтации с Россией). Так, в Венгрии к 40-летию Октябрьской революции советская сторона планировала создать фильм о роли венгерских военнопленных в революционных событиях 1917 г. Тем самым речь шла не просто об общности исторического прошлого, но и о передаче определенного “символического капитала” в виде признания “доли” венгров в основополагающем событии – сотворении самого социалистического проекта.³⁸ Тогда же планировалось безвозмездно передать стране ряд исторических ценностей: архивных документов и реликвий венгерской революции 1848 г.,³⁹ памятников

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 162. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 504. Л. 17. В ЦК КПСС. 12.2.1957.

культуры (например, картин Михая Зичи из запасников Эрмитажа или Третьяковской галереи).⁴⁰

После подавления Пражской весны строго контролировалось подержание чехословацкой стороной основных ритуалов официальной исторической памяти. В разгар кризиса в МИД и ЦК КПСС с беспокойством констатировали, что в планы на 1969 г. чехословацкая сторона демонстративно не включила “мероприятия, связанные с подготовкой к 100-летию со дня рождения Ленина...”. Юбилейным торжествам приписывалось “большое политическое значение”, поэтому советскому послу в Чехословакии был поручен визит в высшие партийные органы страны и срочное урегулирование вопроса.⁴¹ Второй по значимости исторической вехой являлась Вторая мировая война, рассматриваемая через призму имиджа СССР как освободителя стран Восточной Европы.⁴² В 1968 г. посол СССР в Чехословакии Червоненко настаивал на организации кампании, мобилизующей не только формальные структуры памяти, но личные эмоции (чувство благодарности старшего поколения чехов и словаков бойцам Красной армии):

...массовых посещений могил павших советских воинов. Особенно следовало бы широко популяризировать, как друзья или сыновья павших пришли поклониться их памяти. Участники Великой Отечественной войны и их сыновья могли бы в широких масштабах добиваться встреч с семьями, в которых они жили, со своими знакомыми.⁴³

Технологии поминовения жертв войны использовались и для противодействия стихийно возникшей в Чехословакии традиции коммеморации жертв вторжения стран Варшавского договора. Советские органы предлагали противопоставить поминовению погибших чехов и словаков свою траурную традицию – “должным образом отметить память наших воинов и журналистов, отдавших свою жизнь в борьбе против контрреволюционных сил”. Планировалось провести посмерт-

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 504. Л. 17; Д. 505. Л. 163. Посольство СССР в Венгрии. 24.1.1957. Секретно.

⁴¹ Чехословацкий кризис. С. 465.

⁴² Подробнее об этом на примере ГДР см.: А. Д. Попов. Экспорт советской модели выездного туризма: случай разделенной Германии // Вестник Пермского университета. Серия “История”. 2013. Вып. 3. С. 155-165; Его же. Война и Мы: горизонты культурной памяти в мемориальных текстах позднего советского периода // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 4. С. 96-113.

⁴³ Чехословацкий кризис. С. 902-909.

ное награждение погибших военнослужащих, торжественные похороны с воинскими почестями, в том числе переносом праха погибших в их родной город. Предлагалось даже “привезти в Чехословакию мать одного из погибших”.⁴⁴ Целью кампании почитания жертв чехословацких событий с советской стороны являлось, в том числе, воспитание собственной молодежи: она должна была “и в нашей стране морально изолировать нытиков и критиканов, немногочисленных, но все же встречающихся поклонников ‘западного образа жизни’...”.⁴⁵

* * *

В заключение, можно констатировать схожесть реакции системы советской культурной дипломатии на ситуации революционных потрясений в странах Центральной и Восточной Европы 1950–60-х гг. Она использовалась, чтобы создать контраст применению грубой силы, как проявление “подлинных” и “глубинных” связей между странами, не зависящих от сиюминутных политических обстоятельств (вроде ввода танков). Так, восстановлению взаимоотношений СССР и Венгерской народной республики в рамках замешенного на щедром советском финансировании “гуляшного коммунизма” способствовали два масштабных советских визита в Венгрию. Поездка Н. Хрущева весной 1958 г. должна была продемонстрировать внимание советского руководства к стране (а заодно и показать советскому населению лояльность граждан Венгрии).⁴⁶ Не менее важен был и триумфальный проезд по Будапешту в августе 1961 г. первого космонавта Ю. Гагарина, получившего Орден Знамени ВНР I степени с бриллиантами и давшего имя одной из улиц венгерской столицы (это был уже акт культурной дипломатии в чистом виде).

В несомненном выигрыше от усилий советской культурной дипломатии оказались новые лидеры восточноевропейских стран: в рамках согласования мероприятий т.н. “пропаганды Советского Союза” они стремились выговорить для себя огромные преференции, например, безвозмездное возведение крупных объектов для демонстрации населению советской помощи. Эта тактика вполне укладывается в традиции восточноевропейских элит еще периода позднего сталинизма, описанные Т. Волокитиной и С. Мурашко, когда иждивенчество по

⁴⁴ Там же. С. 886.

⁴⁵ Там же. С. 893–896.

⁴⁶ Фельдеш. С. 93.

отношению к братской помощи развивалось параллельно стремлению использовать образ Советского Союза как громоотвод для протестных общественных настроений.⁴⁷

Впрочем, культурная дипломатия, как и полагается дипломатии, является двусторонним процессом, что наглядно проявилось после подавления Пражской весны 1968 г. на чемпионате мира по хоккею в Стокгольме, где в девятом туре встретились команды СССР и Чехословакии. Не контролируемый официальными органами эпизод непосредственной “культурной дипломатии” быстро перешел рамки спортивной встречи и привел к массовым беспорядкам в ЧССР (после победы чехословацкой команды над советской). Как сообщал советский посол Червоненко, в крупных городах “... демонстранты выкрикивали антисоветские лозунги... В Градец Кралове был облит бензином и подожжен памятник советским солдатам”. Примечательно, что в столице фанаты разгромили представительства Аэрофлота и Интуриста,⁴⁸ не имеющие отношения ни к спорту, ни к политике, но воплощавшие наиболее известные бренды культурной дипломатии СССР.

Во избежание выхода ситуации из-под контроля, крупномасштабные культурные акции из кризисной страны переносили в СССР. Туда приглашали массу восточноевропейских творческих деятелей и, при единодушной поддержке советской прессы, инсценировали иллюзию устойчивости соцлагеря. Эти усилия по формированию внешнеполитических репрезентаций СССР и восточного блока в целом на советской территории рассматривались как инструмент влияния на внутривнутриполитическую ситуацию: ритуальную мобилизацию социальных групп, воспитание молодежи, канализацию общественной активности в нужном ключе. И если реальную эффективность подобных усилий в странах Восточной Европы еще предстоит детально оценить, то воздействие советской культурной дипломатии на домашнюю аудиторию представляется достаточно успешным. В советском массовом сознании удалось сформировать отчетливое представление об общности истории с восточноевропейскими странами, о тесных культурных связях, о бескорыстной экономической помощи и спасительности военных интервенций СССР. Сформированные в 1950-х и 1960-х гг. стереотипы сохраняют свое воздействие и в постсоветском обществе. Пример

⁴⁷ Т. Волокитина, Г. Мурашко. Сталинизм в Восточной Европе: специфика исторического опыта // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 2011. С. 203.

⁴⁸ “Пражская весна”. С. 410.

известного памятника “Черный тюльпан” в Екатеринбурге позволяет констатировать восприятие советских операций за границей, в том числе 1956 и 1968 гг., как трагической, но славной страницы истории вооруженных сил. Впечатляющей демонстрацией различия европейского и российского (постсоветского) мемориального дискурсов стало посещение Президентом РФ В. Путиным будапештского памятника советским военнослужащим, павшим во время трагических венгерских событий: известие о церемонии вызвало негативную реакцию европейской общественности, но в России было воспринято как логическое продолжение “реальной” и символической политики.⁴⁹

SUMMARY

The article compares the response of Soviet cultural diplomacy to the crises in the Eastern bloc in 1956 and 1968. The instruments employed to deescalate the conflict were similar: corrections of the Soviet Union’s international image, institutional reforms of the mechanism of cultural diplomacy, and the finding of new channels and mediums of cultural influence. It is unclear, how efficient these efforts were by themselves in satellite socialist countries, not counting the influence of political interventions and lavish economic aid. Their effect on the domestic Soviet audience was much more solid and evident. Many initiatives of Soviet cultural diplomacy took place on the Soviet territory, and they helped to establish in the domestic public opinion a strong belief in the common history of the Soviet Union and East European countries, the beneficial role of Soviet military interventions, and the generosity of brotherly economic aid. Formed in the 1950s and 1960s, these popular beliefs persist in post-Soviet Russia.

BIBLIOGRAPHY

Babiracki, Patryk. *Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin’s New Empire 1943–1957*. Chapel Hill, 2015.

⁴⁹ Putin zu Besuch bei Orban in Ungarn. Vereint im Demokratieabbau // Tagesschau. 17.02.2015. <https://www.tagesschau.de/ausland/putin-ungarn-101.html/>. Ср.: Путин проводит переговоры с “европейским Уго Чавесом” за закрытыми дверями // НТВ. 17.02.2015. <http://www.ntv.ru/novosti/1323298/>.

- Bridger, Sue. *The Cold War and the Cosmos: Valentina Tereshkova and the First Woman's Space Flight* // M. Ilič et al. (Eds.) *Women in the Khrushchev Era*. Houndmills, 2004. Pp. 222-237.
- Behrends, Jahn-Claas. *Die erfundene Freundschaft. Propaganda fuer die Sowjetunion in Polen und in der DDR*. Köln, Weimar, Wien, 2006
- Chehoslovackii krizis 1967–1969 gg. v dokumentakh TsK KPSS. Moscow, 2010.
- David-Fox, Michael. *Vitriiny velikogo eksperimenta: kul'turnaja diplomatiia Sovetskogo Soiuzia i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody*. Moscow, 2015.
- Fel'desh, D. *Vengersko-sovetskie otnosheniia v 1957–1989 gg. Kratkii obzor // Dvenadtsat' stoletii vengersko-russkikh otnoshenii. Doklady konferentsii*. Budapest, 2005. Pp. 91-97.
- Gienow-Hecht, Jessica C.E. and Mark C. Donfried (Eds.). *Searching for a Cultural Diplomacy*. New York, 2013.
- Gould-Davies, Nigel. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History*. 2003. Vol. 27. No. 2. Pp. 193-194.
- Hofmann, Birgit. *Der "Prager Fruehling" und der Westen. Frankreich und die Bundesrepublik in der internationalen Krise um die Tschechoslowakei 1968*. Göttingen, 2015.
- Ivanova, N. "Chto ot brannykh shchedrot do potomstva doidet?" 1956: vengerskoe vosstanie, sovetskie pisateli i literaturnaia pechat' // *Vengerskaia revoliutsiia 1956 g.* St. Petersburg, 2007. Pp. 40-53.
- Markovskii, N. *Vltava i Volga v pesniakh slilis' // Kul'tura i zhizn'*. 1968. No. 8. Pp. 3-4.
- Mikkonen, Simo and Pia Koivunen (Eds.). *Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe*. New York, 2015.
- Mikkonen, Simo and Pekka Suutari (Eds.). *Music, Art und Diplomacy: East-West Cultural Interaction and the Cold War*. Farnham, 2016.
- Musatov, V. L. *Krizisy v evropeiskikh sotstranakh (Vengriia – 1956 g., Chekhoslovakiia – 1968 g., Pol'sha – 1980–81) i politika Sovetskogo Soiuzia / Dissertation, Candidate of Sciences in History*. Moscow, 1995.
- Nagornaia, O. "... Kogda SSSR stal sil'nym i moguchim... mnogie narody nuzhdaiutsia v nashei družbe": aspekty izucheniia kul'turnoi diplomatii v sotsialisticheskom lagere (1949–1989) // *Dialog so vremenem*. 2015. No. 53. Pp. 269-278.
- Popov, A. D. *Eksport sovetskoi modeli vyezdnogo turizma: sluchai razdelennoi Germanii // Vestnik Permskogo universiteta*. 2013. No. 3. Pp. 155-165.
- Popov, A. D. *Voina i My: gorizonty kul'turnoi pamiati v memorial'nykh*

- tekstakh pozdnego sovetskogo perioda // Shagi/Steps. 2016. Vol. 2. No. 4. Pp. 96-113.
- Prazhskaia vesna i mezhdunarodnyi krizis 1968 goda: Dokumenty / Ed. N. G. Tomilina et al. Moscow, 2010.
- Rainer, Ia. M. K istorii otnoshenii mezhdu Vengrii i SSSR v 1953–1956 gg. // Dvenadtsat' stoletii vengersko-russkikh otnoshenii. Doklady konferentsii. Budapest, 2005. Pp. 82-90.
- Richers, Julia. Die Ambivalenz der sechziger Jahre: Ungarn zwischen Repression und “Gulaskommunismus” // Nada Boskovska u.a. (Hg.). “Entwickelter Sozialismus” in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Oeffentlichkeit. Berlin, 2016. Pp. 237-266.
- Romijn, Peter, Giles Scott-Smith, Joes Segal (Eds.). Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West. Amsterdam, 2012.
- Rupprecht, Tobias. Die sowjetische Gesellschaft in der Welt des Kalten Kriegs. Neue Forschungsperspektiven // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2010. Bd. 58. H. 3. Pp. 381-399.
- Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 g. Dokumenty / Ed. V. Iu. Afiani. Moscow, 1998.
- Stephan, Alexander (Ed.). The Americanization of Europe. Culture, Diplomacy, and Anti-Americanism after 1945. Oxford, 2006.
- Stykalin, A. S. Sovetsko-vengerskie otnosheniia 1954–1964 gg. v zapisiakh zasedanii Prezidiuma TsK KPSS // Vostochnyi blok i sovetsko-vengerskie otnosheniia. 1945–1989 gg. St. Petersburg, 2010. Pp. 107-118.
- Stykalin, A. S. Prervannaia revoliutsiia. Vengerskii krizis 1956 g. i politika Moskvy. Moscow, 2003.
- Vengerskie sobytiia 1956 g. glazami KGB i MVD SSSR / Ed. A. A. Zdanovich. Moscow, 2009.
- Vengerskii narod na puti sotsializma // Kul'tura i zhizn'. 1957. No. 9-10. P. 90.
- Volokitina, T. V., G. P. Murashko. Stalinizm v Vostochnoi Evrope: spetsifika istoricheskogo opyta // Istoriia stalinizma: itogi i problemy izuchenii. Moscow, 2011. Pp. 197-207.
- Vowinkel, Annette, Marcus M. Payk, and Thomas Lindenberger (Eds.). Cold War Cultures. Perspectives on Eastern and Western European societies. New York, 2012.
- Zhansen, S. Budapeshtskii krizis i franko-sovetskie otnosheniia // Sovetskii Soiuz, Franciia i mezhdunarodnye krizisy piatidesiatykh godov XX veka. Moscow, 2005. Pp. 106-134.

The State Archive of the Russian Federation (GARF).

F. R-9576. Op. 4. D. 22a, 38, 288, 298.

F. R-9576. Op. 19. D. 36.

Russian State Archive of Contemporary History (RGANI).

F. 5. Op. 28. D. 481, 504, 505.